

РОМАН ШИЛОВ

РАБЫ И ЦИВИЛИЗАЦИЯ

ДНЕВНИКИ ЕКАТЕРИНЫ

18+

Роман Анатолевич Шилов

Рабы и цивилизация

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=66550814

SelfPub; 2022

Аннотация

Все начинается с того, что в один обычный день, незнакомец покупает себе рабыню – Вику. Вика, осознающая свою судьбу, ждет от него соответствующего поведения. Но незнакомец, представившись Николаем, промышляет какими-то непонятными для нее делами, попутно стараясь сломать шаблоны рабского сознания и открыть личность своей новой подруги. Обстановка заставляет Николая спасти еще одного раба – Витю. Николай затягивает рабов в опасную игру с погонями и стрельбой, обещая им взамен счастливую жизнь в правильной цивилизации.

Содержание

I	5
II	19
III	28
IV	39
V	48
VI	58
Конец ознакомительного фрагмента.	59

Роман Шилов

Рабы и цивилизация

Мир не увидел бы эту книгу, если бы у меня не было таких замечательных родных и друзей.

Большое спасибо всем Вам – кто верил и поддерживал!

Особую благодарность выражаю:

– Наталье Викторовне Кузнецовой, самому душевному человеку, согласившейся помочь с корректурой.

– Наталье Юрьевне Березиной, дизайнеру с большой буквы и создателю обложки.

I

По снежному насту, заплетаясь в ногах, мелькала тень. Тень то ускорялась, то замедлялась. Этой тенью был человек по имени Виктор. Он был вымазан в саже, его одежда была безнадежно засаленной. Только хорошо приглядевшись, по крою одежды можно было догадаться, что на нем одет военный желтоватый бушлат и светлые ватные штаны. Коленки на штанах были неумело зашиты. Руки Вити были голыми и расцарапанными в кровь. Глаза высказывали безразличие к холоду и последним часам его жизни. И только уголки его губ нервно напрягались и расслаблялись, словно он ими дышал. На вид было очень трудно определить его возраст. Чумазое лицо, скомканные грязные волосы и глубокие морщины судьбы намекали на его приличный возраст, но в то же время было что-то в его лице совсем детское. Долго всматриваясь в глаза Вити, можно было разглядеть затерянное детство в суровой действительности. Сейчас он полузамерзший, усталый плелся на край Акульей бухты к своему другу Юре, чтобы отогреться и прийти в себя.

Землянка, в которой жил Витя на другом краю Акульей бухты, обвалилась под тяжестью мокрого снега, почти похоронив его в своем убранстве. На какой-то миг Виктору показалось, что за ним пришла смерть. Он почувствовал тоже самое, когда рядом с ним умерли его родители, задохнувшись

от угарного дыма буржуйки. Лежа, придавленный снегом и бревнами, служившими ранее перекладинами потолка, Виктор вспоминал лето. Как тепло летом, как хорошо. Он только и жил летом. Жизнь зимой похожа на борьбу за выживание. Лежа под завалом, он совсем не мог двигаться ни влево, ни вправо. Оглядеться он тоже не мог. Поначалу холодный снег жег щеку, затем стало привычно. Виктор уже знал, какого это привычно. Юра часто говорил ему: «Ничего, привыкнешь». Вот и сейчас показалось Виктору, если бы с ним рядом был Юра, то он бы сказал ему: «Ну ничего, Вить! Привыкнешь! Все будет хорошо». «Конечно можно жить и так, лежа, придавленным снегом и палками», – рассуждал он. И после безрезультатных попыток сдвинуться Виктор так и решил сделать – просто лежать и привыкать к своему положению, он даже попытался заснуть.

К сожалению, сон не шел. Тем более одежда Вити впитала сырость и стало совсем некомфортно. Наверху слышались какие-то шорохи. Виктор не мог из своего положения посмотреть кто это, но всем своим нутром чувствовал, что его пришли проведать старые друзья. Они всегда появлялись, когда Витя давал слабину. Стоит только немного приболеть и прилечь на пару дней, как они присылали гонца проведать его. Дикая собака часто захаживала к землянке Виктора. «Ну отлично, этого мне еще не хватало, чтобы был съеден шавками». Витя попробовал еще раз пошевелиться и, надавив плечом влево, почувствовал свободу. Тужась, чтобы просу-

нуть руку влево, он до хруста в оставшихся двадцати зубах запустил ее в свободное пространство, и конструкция над ним немного поддалась. Нащупав рядом с собой какую-то поварешку из его скромного кухонного набора, он поставил ее так, что немного подпер над собой завал из палок, снега и пленки. Понемногу Витя стал выползать из завала. У него получилось долезть до стены – стыка земли с крышей, там было небольшое пространство, позволяющее сесть на корточки. Отдышавшись, Витя стал голыми руками разбирать крышу изнутри, отдирать пленку, куски рубероида и прочий мусор, используемый им в качестве материала для герметизации. Так он пару раз наколол руку обо что-то острое. Вскоре он увидел яркие зимние звезды над своей головой. И наконец-то Витя совсем вылез из злополучной западни. Сколько он пролежал и провозился с побегом из завала, было совсем непонятно. В свете звезд он осмотрел свое убранство и взгрустнул от предстоящих трудов по восстановлению своей землянки. Он бы так стоял достаточно долго и может быть сразу приступил к работе, если бы не холод, который, напомнив о себе, ударил одним махом по всему его телу от пят до лба. Сказывалась промокшая одежда. Снег был весенним, сырым и липким. Витя, опомнившись, дотронулся до головы и выругался, не обнаружив на ней шапки. Единственное, куда он мог сейчас податься, это был друг Юрий. Повернувшись в сторону тропы, он заметил бродячего пса с большим рыжим пятном на спине. «Пришел, Гонец! Пере-

дай своим, что хрен вы меня возьмете!» – крикнул псу Витя. Пес по-трусливому немного повертел головой, явно огорчившись живому Вите, и скрылся среди деревьев.

Витя шел к Юре без единой мысли, что он мог пойти еще к кому-то. Юра был единственным не только другом, но и ближайшим жителем в Акульей бухте. Юрий был достаточно пожилым человеком и застал еще Акулью бухту в виде цветущего города. Юным он прибыл сюда по распределению в качестве капитана буксира на Акулье море. И всю жизнь Юра исправно таскал по морю баржи с топливом. Здесь прошла его юность, зрелость, а теперь проходит и старость. Несмотря на все уговоры переехать в какой-нибудь заброшенный дом или землянку, он отказывался, продолжая вести полуголодное существование в своей квартире в одном из заброшенных бетонных многоэтажных домов. Его квартира на втором этаже отапливалась двумя самодельными печками, но и это не помогало сделать зимой температуру теплее, чем десять градусов, поэтому Юрий всегда носил свою любимую шубу. Да, зимой Акулья бухта уныла и мертва. Зато весной в ней просыпается жизнь. Город окутывает зелень, тепло и цветы. Добравшись до вмерзшей в местный ландшафт пятиэтажки, Витя попытался зайти в подъезд, но дверь была закрыта. Тогда он решил обойти дом и кинуть снежком в окно. Сначала наст выдерживал Витю, затем он начал проваливаться, утопая в нем по пояс. С ревом зверя Витя упирался голыми руками на снег и, вылезая из снежного плена, делал еще пару

шагов, и снова проваливался. Дойдя до нужного окна, он уже был обессиленным с ужасной одышкой. Немного передохнув и набравшись сил, он слепил голыми руками снежок и кинул в окно. Хоть тут ему повезло, и он попал с первого раза. В скором времени в форточке раздался хриплый голос: «Кто»?

– Дядя Юр, это я!

– А ты чего как поздно? Случилось что?

– Дядя Юр, холодно... замерз я!

– Давай к подъезду, я сейчас открою.

Витя пошел обратно к подъезду, но сил уже не было, поэтому он упал на колени и пополз из последних сил в сторону подъездной двери.

Обессиленный, Витя давно уже потерялся во времени. Он не заметил сколько полз до двери, но, судя по лицу Юры, это было гораздо дольше ожидаемого.

– Ты что пьяный? Юра светил фонарем на Витю из щели полуоткрытой двери подъезда. – Один? Витя смог только что-то прохрипеть непонятное в знак согласия. Юрий развязал веревку, на которую закрывал подъездную дверь и впустил Витю во внутрь. Витя тяжелыми шагами прошел сразу в квартиру и сел на пуфик, покрытый разным тряпьем и шерстью домашних животных.

Вскоре в квартире появился хозяин. Юрий, закрыв входную дверь осветил Витю фонарем.

– Что случилось?

– Землянка обвалилась... еле вылез...

– Ты весь синий! Раздевайся, я тебя разотру!

Витя нехотя стал послушно раздеваться. Юрий в целях экономии батареек выключил фонарь и зажег деревянную лучину. Достав весеннюю самогонку, сделанную из весенних трав соответственно, начал растирать Витю. После оказания первой помощи, Юрий командовал одеваться, выдав что-то из своего гардероба, и начал хлопотать за горячий чай, которым был обычный травяной сбор из растений Акульей бухты.

Виктор с замиранием в сердце рассказал все, что с ним случилось. Юрий слушал, не перебивая, и только позволили вставить от себя комментарий про псов.

–

Всегда считал псарню бесполезными животными. Даже волки куда более порядочнее, благороднее что ли – санитары леса, жрут слабых. А псам все равно! Для простой забавы могут просто растерзать. А тут тебя в чувство привели, можно сказать спасли!

Витя, немного отойдя от всего случившегося, подошел близко к печке. В свете горящих дров виднелись его исцарапанные руки. Затем он облокотился в угол, где на батарее сушилась его одежда. В многоквартирном доме Юры давно не было центрального отопления. Оставшиеся батареи грелись от пары печей. Юра как добропорядочный житель протестовал и не разрешал срезать трубы с батареями, хотя за это железо он мог получить хороший прибыток. А так во всех

других домах отопление уже давным-давно было срезано и обменено на хлеб.

Юрий, громко цокая языком, достал из закров печенье с пряниками. Такими угощениями он раскидывался достаточно редко. Из-за того, что оно давно ждало этого часа, десерт был дубовым. Грызть их было опасно, можно было остаться без зубов. Но так было еще интереснее, так как приходилось размачивать его в чае.

– Да Витек, не повезло тебе... Родиться бы тебе годов так на тридцать раньше, когда была цивилизация. Закончил бы школу, потом профессию получил полезную. А там семью завел, детишки... А не вот это вот все! Выжидать и выживать. С цивилизацией оно все же проще, чем сейчас. На то она и цивилизация.

– А где эта цивилизация?

– Ушла....

– Куда ушла?

– Далеко из этих мест. Мне очень обидно, Вить, с болью в сердце думать о том, что я ее никогда больше не увижу. Но еще горче думать о том, что и ты ее больше не увидишь. Эх! Мне бы силы! Сейчас с меня уже ничего не взять.

– Ты что Юран?

– Да, Вить! Я сломался. Как-то произошло это резко. Вчера я еще верил в будущее и имел на то право, так как чувствовал свои силы. А сегодня утром встал, сварил перловки, поел. Сижу и чувствую, как глаза мои блекнут, щелчок – и

уже не сил ни надежды. Честно говоря, ждал тебя весь день. Тошно было одному.

– А я весь день за беличьими орехами охотился. Под конец дня только нашел нормальное дупло. Орехов море. Обрадовался, кушать будет что, и вот тебе на... Все сейчас под снегом мокнет. Завтра буду разгребать, успеть бы крышу еще сделать. Если метель будет, то еще и откапывать придется.

– Перебирайся ты ко мне, вдвоем сподручнее. Сколько раз я тебе говорил?!

– Спасибо, Юр! С удовольствием поживу какое-то время у тебя. Но свой дом есть свой. Пока бы только вещи спасти. Да и привык я в землянке, и у меня теплее.

Витя посмотрел на друга и немного одернулся. Глаза Юры действительно стали блеклыми и почти безжизненными.

Юрий встал, прошел на кухню, сопя себе что-то под нос. Потом вернулся. Сел на кровать и заскулил словно раненый кабан, молящий о пощаде перед последним ударом Вити на охоте.

–

Юр?! Ты что?!

–

Ох Витя, Витя! Прости меня пожалуйста!

–

За что?

–

За мысли мои, за мысли!!!

–
Ты о чем, Юран?!

–
Думалось мне, что если будем мы вместе и рядом, то ты обо мне позаботишься на старость лет. Вместе, оно понимаешь, крепче! Легче! Но это я думал, когда силы были и страсть к жизни. А сейчас, вроде бы, пришла это старость с бессилием, но уже ничего не хочется, даже помощи! Мне по моей человеческой глупости даже мыслишки не приходило о борьбе.

–
Какой борьбе?

–
Какой? Ну посуди, кто ты такой сейчас? Обмерший, чумазый мальчишка без дома, семьи и рода! Так? Признайся честно!

–
Так...

–
Живешь в сырости и голоде. День прошел и хорошо.

–
Юран! Так ясно дело, что день прошел и хорошо!

–
Ты думаешь, что спать на кровати с чистым бельем, пить воду из-под крана в ухоженном доме – это фантастика и удел богатых?!

—
Как говорится, «не жили богато – нечего начинать».

—
Нет, Вить! Это норма! Это нормально! Нормально для цивилизации, для человека. А мы с тобой словно навозные черви выживаем в этом заброшенном городе.

—
Где родился, Юр, там и пригодился!

—
Нет, уезжать тебе надо!

— Куда?

— Искать жизнь! Цивилизацию!

—
Да ладно, Юр! Куда я уеду?! у меня хозяйство как-никак, да и тебе кто дров наколет на зиму?

—
Думается мне, что следующей зимой дрова мне будут уже не нужны.

—
Хватит тебе, Юр! Ты что раскис?! Никуда я не поеду!

—
А ты подумай над этим хорошенько. Что тебя держит? Страх?! Парень ты крепкий! Бояться ничего не надо! Сам дойти – дойдешь до Центрального, а там можно хоть куда-то

получше перебраться. Не зря же слухи ходят, что там нормально живут. Главное – не попасться к плохим людям в лапы.

–

Насчет людей, зря сомневаешься, всем лбы поразмолочу!

–

Да к плохим людям можно попасться не только, так сказать, физически, они тебя могут и делом, и словом, языком в беду втянуть. А ты парень доверчивый...

–

Это тебе так кажется!

–

Ну-ну!

–

Ну что ты, старый, хандришь?!

–

Чай будешь еще?

–

Давай! Ты, кстати, на ярмарку не собираешься?

–

Нет, я сейчас туда не дойду. Другое дело бы летом, попробовал бы сходить с большим удовольствием.

–

У меня тут проволоки медной накопилось нормально. Думал, сходить, обменять. Даже если сейчас на новую землянку потрачу для смотки бревен, остаток нормальный будет.

—

Сходи, поспрашивай насчет Центрального. Центральным лет двадцать правда назад, заведовал знакомый мой, полковник Ершок. Мужик крепкий был, справедливый, жалко умер. Был бы жив, конечно, то по моей мольбе пристроил бы. Эх раньше надо было... не думал я о тебе, о себе думал...

—

Брось ты эти сопли, Юран! Скоро лето! Придет к нам в бухту весна, теплый ветер, будем с тобой вечерами гулять по набережной. Будем устраивать арастрократические завтраки, любуясь восходами и закатами.

—

Аристократическими, — поправил его Юрий. Но Витя сделал вид, что не заметил и продолжал: — Вспашем, засеем с тобой дворы пшеницей. Я буду пахать, а ты играть на гармошке. Квас поставим, как мы с тобой любим, чтобы поядрнее! А потом сенокос. Как представлю себя с косой в траве по пояс, так мурашки по коже бегут. Косишь траву! Раз! Раз! Раз! И словно куда-то проваливаешься в даль! Да! И все-таки мне надо дом рубить. Хватит этих землянок. Поставим с тобой хороший, большой сруб шесть на шесть, и чтобы три окна спереди! Ох, какая красота будет. Загляденье. Ко мне в дом переедешь, хватит этих ледяных кирпичных, рассказывая о своих планах, не заметил, как Юра расплакался.

—

Ох, Витя! Не поверишь, как мне этого хочется, как мне жить хочется! Но мое отжито. Тебе надо думать о себе. Один ты тут долго не протянешь. Да, даже со мной. Выживают не одиночки, а общество. Пока молодой, надо вгрызаться зубами в жизнь.

—

А если я себе жену куплю? Или работника?

—

Ооооох... ты быстрее себя продашь, чем накопишь на жену или работника.

Чтобы как-то перевести разговор в более спокойное русло, Виктор задал отвлеченный вопрос:

—

Как ты думаешь, после зимы, «Мощного» будет видно?

—

«Мощного»? Думаю, что только нос. Его осенним штормом хорошо потрепало и выбросило прямо на волнорез, где песок намыло. В свое время там была приличная глубина... А теперь, одним словом, повезло, носом уперся в волнорез, боком на мель. А так с кормы вода доставала палубных орудий. Если сбросит с волнореза, то точно уйдет под воду. Надеюсь, «Мощный» просто так не сдастся.

—

А почему его называли «Мощным»?

—

Не знаю... так на заводе решили. Ну а вообще, по количеству палубных орудий и калибру, артиллерийская мощь этого корабля соответствует названию.

Вите нравились рассказы Юрия о кораблях и морях. Да и Юрий сам словно просыпался, рассказывая о разных морских приключениях, переплетая их с фантазийными небывальщинами. Действительно, ему очень нравилось вспоминать свои молодые годы. Он прошел большой путь от капитана буксира до капитана танкера «Юркий». Выйдя на пенсию, он пережил развал флотилии и прочие корпоративные стычки, отказался от переезда, решив остаться рядом с морем. Все корабли, стоящие в бухте, он знал не только по именам, но и по техническим характеристикам и особенностям. В том числе знал и последние командные составы. При Юре в бухте оставалось семь различных судов. Бесхозные они понемногу сдавались перед природой. Несколько буксиров, после обрыва сгнивших швартовых канатов, унесло в открытое море. Другие корабли затонули тут в бухте. Последним держался сторожевой корабль «Мощный», оправдывая свое название. Наблюдая за развалом города и порта, Юрий вел что-то вроде «Портового журнала», каждый год описывая состояние уцелевшей техники, проводя условную инвентаризацию, он записывал потери. Запись о «Мощном» должна была по идее закончить этот Портовый журнал.

II

Витя, разговаривая с Юрой, так и уснул, сидя на полу, прижавшись к батарее рядом с печкой. Проснулся он больше из-за того, что у него затекли ноги. Юрий еще спал, и Витя не хотел его будить, решив потихоньку уйти в свою землянку. Однако, справиться с хитрым дверным засовом Витя не смог, и Юру все-таки пришлось будить. Юрий отговаривал Витю от дороги, предлагал остаться хотя бы на завтрак. Но Витя отказался от гостеприимства друга, так сильно ему хотелось уже начать работу по восстановлению своего дома и так неловко было ему утруждать своего старого приятеля.

Витя вышел на свежий морозный воздух. Звезды, спрятавшиеся за облаками, больше не освещали дорогу. Было достаточно темно. Витя, походив по снегу и изучив свои следы, сделал вывод, что ночью был небольшой снегопад. Выпало около ладошки снега.

По дороге домой начал просыпаться голод. Подойдя к своей землянке, чувство голода значительно усилилось, и Витя пожалел, что не остался на званный завтрак с Юрой.

Подойдя к землянке с краю, где располагались съестные припасы, Витя ногой начал разгребать снег, тут он еще раз пожалел, что поторопился и не взял у Юры никакого подручного инструмента, даже варежек. Отломав часть палки, бывшей перекладной крыши, Витя начал разгребать снег, по-

том уткнулся в ледовую корку и, наконец, добрался до самой крыши, слепленной из различных клеенок, пакетов и кусков толи. После чего он проделал дыру. Витя обрадовался, что не ошибся в своих расчетах и попал ровно над мешком с сухарями. Достав мешок, Витя развязал его и закинул в рот целую охапку мелко нарезанных сухарей. Разобравшись с голодом, он начал работать активнее. К концу дня, он смог полностью разобрать завал и отобрать все полезные вещи.

Уже в сумерках Витя загрузил свой скарб на санки, плотно обмотав веревкой. Длины саней не хватило, и их пришлось удлинить за счет пары досок, служивших раньше его столешницей на кухне. Витя забрал только самые ценные вещи, как он считал. То, что могло подождать, в основном эта была мебель, он аккуратно сложил в импровизированный им шалаш, напоминающий вигвам. Чтобы вещи никто не спер, он обмотал шалаш колючей проволокой, прекрасно понимая, что это так себе защита. Как говорил Юра, «все на совести у людей». Вот и сейчас, оставляя вещи еще на одну ночь без присмотра, все оставалось на совести у людей. С другой стороны, Вите было не жалко старых стульев и прочего хлама. Конечно, будет неприятно, если они пропадут, но, с другой стороны, это всего лишь легковосполнимое барахло. В глубине души Витя осознавал, что его беспокойство было беспочвенным, так как никому это барахло в этой глуши просто не нужно, его некому брать.

Витя вернулся к Юре уже ночью. Юрий приготовился к

визиту своего друга, обрадовав его жареной картошкой и приготовленным спальным местом. Свои пожитки Витя сложил на складе. Складом для всяких разных вещей служила соседняя квартира по тамбуру.

Почти сразу, как из бухты начали разъезжаться жители, Юра, еще при силах мужчины среднего возраста переоборудовал соседнюю квартиру в свою мастерскую.

Сейчас же от следа мастерской ничего не осталась. Помещение было складом, полностью захламленным разными вещами.

Поужинав, Юра достал из-под стола сверток.

—

Я все решил!

—

Что решил?

—

Вот тебе деньги! Тут порядка двухсот. Завтра выдвигайся на ярмарку, а оттуда в Центральный. На проезд должно хватить. А там устроишься куда-нибудь в подмастерье. Здесь тебе оставаться бессмысленно. Пока есть силы, надо ковать свою жизнь. Документы.... Паспорта у тебя нет. Говорил я твоей мамке скататься и получить документы. Ну ладно, я тебя и тут выручу! Я тебе справку выписал на комендантском бланке, что рожден вольным в офицерской семье. За подлинность ручаюсь головой, никто ничего заподозрить не сможет. Кхе... даже, Кхе! Закашлял Юрий. Даже чернила

остались старые, так и знал, что пригодятся. По ней ты сможешь получить паспорт.

—

да я уже тебе говорил! Что все решено! Никуда я не поеду, летом будем мне сруб ставить.

—

Да что ты какой упертый! Ты что, жизни нормальной не хочешь?

—

Меня все устраивает! Все! Я остаюсь. Тема закрыта.

—

Хорошо! Значит так. Если я умру....

—

Пожалуйста, только не начинай! Не умрешь ты!

—

Умру, все умирают... Юрий обидчиво откинулся на спинку стула. И вообще не перебивай старших по годам и званию!

—

Ну ладно! Ладно! – Согласился Витя. – Давай свои инструкции. В конце концов я действительно должен знать, что и как делать.

—

Спасибо! Значит таксс.... Хоронить меня тут при бухте. Лучше всего на площади, под брусчаткой чтобы звери не раскопали.

—

Угу, – протянул Витя, набивая рот жареной картошкой.

–

Следующее! Все мое ценное имущество! А это офицерский кортик, медалки и прочее – заberi себе на память. Может пригодятся?! Лежат они у меня в шкафу. Там же есть пара договоров на банковские счета и мое письменное согласие, как бы завещание. Если выберешься из этой дыры, то у тебя должны быть деньги на первое время. Не знаю, сколько там... сейчас, но что-то должно быть. Если, конечно, банк этот еще работает. Потом... если ты остаешься, то о моей смерти ты должен сообщить в морской профсоюз и по месту службы в Дальневосточную корпорацию. Естественно, как появится возможность. Письмо я тебе уже написал, там только дату проставить надо.

–

Еще что-то?

–

Береги «Портовый журнал», это история и дело всей моей старческой жизни!

–

Может про «Мощного» тоже запись сделаешь, вдруг он тебя переживет?

–

Язвить решил, смотрите на него! А вот напишу, идея неплохая! Сидит перед мной лоб, три класса, ни писать, ни читать не умеет.

—
Сейчас это не нужно...

—
Это всегда было нужно и будет! Тебе бы грамоте поучиться, пока я жив!

—
Не мое это, но спасибо за предложение.

—
И еще! Здание бывшего штаба представляешь?

—
Да....

—
Там углом к нему стоит дом. Во дворе этого дома в кустах, есть колодец с люком. Я на него мусора накидал. Так вот это бомбоубежище.

—
И ты молчал все время?

—
Бомбоубежище-склад для командного состава.

—
Ну это, конечно, меняет дело, куда мне до командного состава.

—
Не ерничай! А слушай! Бомбоубежище на черный день. Если что, там склад огнестрельного оружия, бойки от всех пушек «Мощного», кроме носовой, их я отложил в сторону

от всей кучи.

—

А почему кроме носовой пушки «Мощного»?

—

Носовая пушка заряжена, это на случай незваных гостей.

Понял?

—

Да, а мы на кабанов чуть ли не с копьями ходили... а у тебя целый склад...

—

Это тебе не шутки! Аккуратнее там, есть еще мины, гранаты и снаряды. Так что если надо будет где-то прятаться или защищаться, то у тебя есть арсенал. Но без дела туда не лазь. Завтра я его разминирую...

—

Разминируешь? А жить там можно?

—

Жить на пороховой бочке? Совсем что ли... дом себе срубишь!

—

А ты говорил, что все склады и бомбоубежища взорвали...

—

Этот не стали.

—

Почему?

—
Оставили в надежде вернуться.

—
Так ты все время ждал возвращения Дальневосточной корпорации?

—
Ждал или не ждал, уже без разницы....

—
Поэтому и остался?

—
Да, может быть поэтому и остался, зрителем... Загнал свою жизнь... А надо было уезжать! Уезжать, понимаешь?! Не повторяй моей ошибки, уезжай! И никогда не верь корпорациям. Корпорациям нужна только прибыль. Юра нахмурил брови, скомкав свое лицо, словно кусок бумаги. – О себе Витя надо думать! Только о себе! Чужие продадут! Выбраться бы тебе в цивилизованный мир... Мне то уже поздно, а тебе самое то!

—
А чем он лучше, этот цивилизованный мир, что это такое вообще цивилизация?

—
Цивилизация – это когда дети ходят в школу и учатся, а взрослые работают, получают зарплату и покупают на нее все, что хотят. Еду, знания, здоровье! Все, что хочется. У них не отбирают дома и их не грабят. Законы работают. За

все преступления, убийства, кражи наказывают и сажают за решетку. Цивилизация – это когда, как бы, все механизмы общества работают. Так было и в Акульей бухте, пока было топливо для торгового флота.

– Ты же и сейчас говорил, что оно есть?

– Есть, но на другом полушарии. У нас топливо осталось только на большой глубине, добывать стало не выгодно. Брали то почти с поверхности. А когда месторождения стали уходить на приличную глубину, все шахты заморозили. Открыли новые, где легче добывать, так еще и с роботами. С роботами еще дешевле, людям же платить надо и спать отпускать.

– А если нам разморозить шахты?

– Хех...это просто так не делается.

III

Незнакомец прошел вдоль всего ряда и вернулся к его началу. В гостиной было идеально тихо. Это была тишина, пропитанная страхом. словно колокол в этой тишине раздавались слова господина-хозяина: «Какая, а? Красотка, если вы сами не брезгуете любовными утехами! Хорошая грудь и глаза большие», – так расхваливал свой товар господин-хозяин. Все девушки стояли с поднятой головой, не пряча глаза и не сутулясь, расплываясь синтетической улыбкой. При подходе незнакомца каждая из них немного надувала губы и набирала воздух в легкие так, чтобы ее грудь казалась крупнее. Каждая из них знала, что за неподобающее поведение ее ждут унижения, побои и голод.

– Все по тысячи? – спросил незнакомец.

– Нет, крайние две по две тысячи.

– Почему?

– Они просто небывалой, ангельской красоты, к тому же невинны, сами посудите. Но уже кое-что умеют, так сказать, начальный уровень хороший.

Незнакомец подошел к самым дорогим девушкам и начал осматривать их с ног до головы, пытаясь найти ту самую красоту, что заставляет хозяина просить за них вдвое больше. «Как жаль, – подумал незнакомец, – что у него не слишком много денег». От этой мысли, словно укоряя себя, он помор-

щился. Господин-хозяин заметил эти движения на лице покупателя, но понял это по-своему, тут же приказав девушкам покрутиться и предложил незнакомцу пощупать их груди.

– Такие девушки в цене, поверьте моему опыту! Все при них! Цена нормальная, если сдать в публичный дом, то отобьют свое мигом! Незнакомец, не найдя ничего интересного в этих девушках, посмотрел на ту, что стояла рядом с ними. Еще ребенок, девчонка лет четырнадцати, не больше, отличалась тем, что была значительно ниже ростом. Ее милое личико, еще не полностью раскрывшее букет женской красоты, было по детски напуганным, с черными карими глазами, словно уголки выбивало нервную дрожь. По ее взгляду было видно, что внутри ее трясет подобно океанскому шторму. «Как только это милое тело выдерживает ту бурю страха, которая в ней сейчас бушует?» – думал незнакомец.

– Эта за тысячу, страшенькая немного, но если приодеть, хорошо накрасить, то будет ничего. И вроде как немного умеет читать.

– Умеешь читать? – обратился к девушке незнакомец.

Девушка недоумевающе взглянула на незнакомца.

– Отвечай! – замахиваясь, крикнул на нее господин-хозяин.

– Да, умею..., – еле выговаривала девушка, пребывая в каком-то шоковом состоянии.

– Она у нас новенькая, продается впервые, но все порядки знает! Да... Даже и не знаю, что на нее нашло?! – Оправды-

вал ее поведение господин-хозяин. А потом закричал прямо ей в лицо: – «Стой ровно! Улыбнись!! Улыбнись, как тебя учили! Вот так, молодец». Девушка наиграно улыбнулась, явно фальшивя. В строю возникли лишние движения и какой-то шум. Девушки заволновались, они могли запросто получить общее наказание из-за этого инцидента.

– А писать умеешь? – спросил девушку незнакомец.

– Писать все умеют! – пошло пошутил господин-хозяин, громко сопровождая свои слова смехом.

Девушка, опустив голову, скромно ответила, что умеет.

Вдруг резким движением правой руки незнакомец сжал челюсть девушки так, что его большой палец больно впился ей в щеку. Незнакомец поднял ей голову, заставляя смотреть ему в глаза. Повинуясь силе незнакомца, девушка встала на носочки. Все находящиеся в комнате замерли от дерзкого жеста незнакомца, до этого полностью соответствующего образу интеллигента. Господин-хозяин сперва подумал, что имеет дело с неопытным горе-романтиком, накопившем денег на любовные утехы. А тут он открылся для него с другой стороны, достаточно солидной и деловой по его меркам. В руке незнакомца чувствовалась такая сила, что он мог запросто поднять бедняжку над собой одной рукой и одновременно сломать ей лицо. В этот момент господин-хозяин заперевивал за свою безопасность и порчу товара, поэтому еле видимым жестом попросил войти в зал дополнительную охрану. С верхнего этажа, возвышающегося балконом над

гостиной, спустились самые жестокие господа-воспитатели. Появление пятерых человек с мрачно-озлобленными лицами удвоило нервное напряжение, выдавив из гостиной весь свободный воздух, заставив девушек задержать дыхание.

– Прошу вас аккуратнее! Товар еще не ваш! Если сомневаетесь, то можете забронировать ее всего лишь за сотню, а пока походить по рынку, посмотреть еще...

– Открой рот! – не обращая внимания на слова господина-хозяина, приказал незнакомец девушке. Бедняжка, находясь в полуподвешенном состоянии, послушно открыла рот.

– Шире!

– Зубы у нее хорошие, свои. Есть небольшой кариес, на паре зубов. Но без этого никуда, сами понимаете.

Незнакомец, осмотрев пристально зубы девушки, сделал свое заключение:

– Беру ее! В словах незнакомца чувствовалась наглая важность.

– Тогда по рукам, ответил хозяин, – пойдете оформлять документы.

Незнакомец плавно обернулся и увидел стоящих сзади господина-хозяина, недавно появившихся господ-воспитателей. Кивнув им головой, он также плавно подошел к ним и пожал каждому из них руку. В ответ их удивлению он объяснил свой жест короткой фразой благодарности: «Воспитание рабов наше все! Спасибо вам за ваш труд». Господин-хозяин, подхватив беседу, начал расхваливать свой препода-

вательский состав, попутно указывая незнакомцу дорогу в офисное помещение для оформления документов.

Зайдя в кабинет, хозяин распорядился своему делопроизводителю сделать соответствующую запись о продаже в паспорте выбранной девушки.

А потом деловито спросил незнакомца, во что в чего он собирается одевать девушку?

– В смысле? – недоумевающе переспросил незнакомец.

– Ее одежда, что сейчас одета на ней – моя, – объяснил господин-хозяин. – Тысячу стоит голая тушка. Если хотите ее приодеть это еще будет стоить дополнительных денег. У нас прекрасный рабский гардероб, есть из чего выбрать. Также у нее есть еще личные вещи, если хотите выкупить их, то это будет стоить еще пятьсот сверху!

«Мерзавец» – подумал, незнакомец. Перебирая в голове свои планы, он как можно спокойнее, пытаясь не выдать свой эмоциональный настрой, ответил на предложение господина-хозяина отрицательно: «У меня на ферме полно одежды, так что заберу ее голой. Не вижу нужды переплачивать, все равно переодевать. А если честно, то мне вообще все равно в чем она будет работать. Личные вещи ей уже не пригодятся. Забираю голой! С вас только ошейник с поводком».

– Ошейник и поводок – это бесплатно, входит в стоимость по закону! Тогда с Вас ровно одна тысяча.

– По рукам! Незнакомец достал из плаща бумажник, где из толстой пачки денег достал одну с номиналом ровно в ты-

сячу.

Господин-хозяин, увидев благосостояние покупателя, расстроился его экономии, недоверчиво улыбнувшись, он шлепнул ладошкой по колокольчику, стоявшему на его столе. Двери открылись, и в кабинет завели девушку с карими глазами.

—

Так зачем вам она нужна? Можно полюбопытствовать?

—

Отчего же нельзя?! Я еду в Изумрудный по делам, а сопровождающая меня рабыня заболела около Утеса. Я – человек, привыкший к комфорту, понимаете? Конечно, у меня на ферме полно желающих такой легкой и благородной работе, как организация моей дороги. Но это надо возвращаться или, направляя гонца, ждать лишние дни, поэтому решил купить новую. А о вашем магазине «Доме праведной верности» я давно наслышан от друзей, поэтому и зашел сразу к вам.

—

А что у вас за ферма?

—

Да обычное нетривиальное производство куриных яиц, сейчас еще стараемся развивать молочку, так что будете в наших краях – заходите в гости!

—

Большое спасибо! Непременно! – согласился госпо-

дин-хозяин, теперь понимая, откуда у незнакомца такие сильные руки. – Работает, видимо, как раб в своем скотном дворе, выбрался из своего села, сменил пропахшую навозом спецовку и теперь выпендривается, гнет пальцы. Господин-хозяину показалось, что он раскусил незнакомца.

–

Ну что, пока! Смотри у меня, работай хорошо! Не позорь мой магазин, пригрозил господин-хозяин хрупкой девушке с карими глазами. А потом как бы между делом добавил в спину незнакомца, что в силу действующего закона о рабах, девушку надо будет обязательно зарегистрировать в личном кабинете. Незнакомец в ответ только равнодушно кивнул и взял девушку за поводок, ведя ее на выход. Нагая девушка не совсем поняла маневр, думая, что они еще останутся около магазина-гардероба, где ее оденут, потому резко встала и чуть не упала от впившегося в шею ошейника. Незнакомец обернулся и под смех господ-воспитателей посмотрел на девушку.

–

Голой пойдешь! – хихикнул господин-хозяин.

Незнакомец вывел растерянную голую девушку на улицу и повел через весь рынок. Сначала она комплексовала, пытаясь спрятать свое оголенное тело тонкими белыми руками, потом к ее горлу подкрался комок и потекли слезы. Холодный весенний ветер пробежал по ее телу. Пожар мыслей в голове безжалостно хлестал ее изнутри, сильнее ветра сна-

ружи. «За что я, такая хорошая, попала к такому тирану?! Неудивительно, что его бывшая рабыня заболела, видимо, и мне уготована такая же участь», – думала девушка. И вроде бы ей захотелось забастовать, как вдруг в голове вспомнились слова хозяина «не позорь мой магазин». Это ее как-то взбодрило, и она просто, опустив голову, шла за своим новым господином, умоляя только чтобы не заболеть, и чтобы ее не увидели родители или кто-то из знакомых. Вообще, смотреть вниз было полезнее, так как легко было встать босой ногой в жвачку или чьи-то слюни. Холодная весенняя земля обжигала ступни и она, чтобы было теплее, пыталась идти на одних носочках. «Хорошо, что меня долго учили ходить на носочках», – подумалось ей. Правильно говорили господа-воспитатели: «Пригодится». Выйдя с рынка, они еще прошли несколько кварталов. Там около одного из домов незнакомец приказал ей сесть на переднее пассажирское сиденье длинной черной машины. Незнакомец, что-то бурча себе под нос, дал ей одеяло и приказал укрыться.

– Замерзла? Не дожидаясь ответа, незнакомец включил печку. – Извини, что так вышло, про одежду я не знал»

Девушка, пытаясь наиграно маскировать свое волнение, откинулась на сиденье, отложила в сторону одеяла и, изучая лицо незнакомца, раздвинула широко ноги, спросив: -> Чего желает мой господин?»

Лицо Незнакомца исказилось, на лбу выступили глубокие морщины, словно по его лицу пробежала молния, оставив

специфические следы.

—

Как тебя зовут?

— Мой господин, можете меня называть как хотите, рабыня или тварь. Можете дать мне любое имя!

— Перестань называть меня господином! — скомандовал незнакомец.

— Не могу! Вы господин, а я рабыня. Так заложено мирозданием.

— Я хочу знать твое имя?

— Я тварь...

Незнакомец выпучил глаза, морщины на лбу словно углубились еще больше. Он вышел из машины, обошел ее и, открыв дверь со стороны девушки, встал ей на грудь ногами.

— Еще раз спрашиваю, как тебя зовут, назови свое имя!

Девушка, широко раскрыв глаза, не поверила жесту незнакомца. Вдруг незнакомец жестко надавил ей на грудь, так что ей стало до визга больно, но она держала этот визг в горле. Только ручей свежих слез на ее лице выдавал эту боль.

—

Назови свое имя!

— Вика... девушка, широко раздувая, ноздри смотрела на своего нового хозяина.

— Запомни! Я не господин и не хозяин! Меня зовут Николай, а тебя Вика! Поняла?

— Нельзя! Рабынь называть по имени, запрещено! Еле вы-

давила из груди девушка. Меня уб....

– Да мне плевать! – ответил незнакомец, и еще жестче надавил ей на грудь. Девушке показалось, что она уже слышит хруст своей грудной клетки. А незнакомец продолжал вдавливать грубый протектор своих кожаных ботинок в тонкую бархатную кожу, сверля свою новую игрушку взглядом.

– Да! через боль прохрипела она. – Я все поняла! Вика, Николай!

Незнакомец плавно убрал ногу, словно боясь оторвать ботинок вместе с ее кожей. Девушка сильно закашлялась, словно больная туберкулезом, скатилась куда-то под сиденье и прижала руки к груди. Незнакомец отвернулся, сделав вид, что ничего не было и вернулся на свое место за рулем.

Немного отойдя от произошедшего, девушка недоверчиво села на сиденье, наклонившись в сторону двери, опасаясь повторного насилия от своего господина.

–

Укройся! – незнакомец протянул ей плед. Затем, что-то щелкнув, незнакомец завел машину, и они тронулись.

Девушка молча укуталась в одеяло и тихонько заплакала, отвернув голову, так чтобы господин не видел ее слез. Ей стало жутко обидно, что она плохая рабыня. Что он, выбрав ее, стоявшую рядом с красотками, теперь не желает ее тела. Требуется от нее того, что запрещено рабыням. Или может пока слишком рано для этого?! Она была в смятении, ей около двух лет насильно вбивали в голову что она рабыня и долж-

на подчиняться. Вдруг ей открылась перед глазами истина. Ей стало все ясно. Господин устроил ей просто проверку! Господин всегда останется господином, как раб рабом. Просто, видимо, он хочет найти в ней изъяны, чтобы предъявить господину-хозяину претензию за плохой товар. «Нет, так со мной нельзя», – и, гордясь за то, что раскусила незнакомца, успокоилась, вытерла слезы и начала рассматривать пейзаж за окном. Господин молчал и скрупулезно следил за дорогой, не обращая ни малейшего внимания на нее. «Наверное, хозяин был прав, называя ее «страшненькой», а господин выбрал ее в насмешку. Такая судьба», – успокаивала сама себя Вика.

Мимо машины пролетали деревья с яркими зелеными почками. Природа со своими красками пробуждалась от сна. Вика уже забыла о существовании времен года, что можно просто ехать и любоваться природой, забыть, что такое ежеминутная дрессировка.

IV

Вика не заметила, как они приехали в какой-то городок и остановились около двухэтажного здания.

Николай повернулся к ней и покашлял, привлекая внимание.

– Слушаю тебя, мой господин!

– Вика!

– Да мой господин?

– Скажи, пожалуйста, какая одежда тебе нравится?

– Я надена все, во что меня оденет мой господин.

– Какие у тебя размеры?

– Не знаю...

– Так, ладно! – не выдержал Николай. Теперь на его лице были видны нервозность и озабоченность. Сиди в машине, никуда не ходи! Ясно?

– Ясно! – ответила Вика.

Николай вышел из машины, хлопнув дверью, и, уже отойдя от нее на приличное расстояние, обернулся, оценив поведение Вики, и закрыл машину на центральный замок, нажав что-то в кармане. А затем длинными шагами, словно перепрыгивая лужи, скрылся в двухэтажном здании с вывеской «Рабхоз».

Вика впервые за два года осталась одна. Ей было не по себе. Она крутила головой из стороны в сторону, пытаясь най-

ти того, кто за ней следит, камеру или господина. Но никого не было, и никто не обращал на нее внимания.

На улице изредка появлялись люди, которые проходили мимо машины, даже не смотрели на нее. Только одна дама с худой, маленькой собачкой с глазами навывкат посмотрела на Вику и то только из-за того, что ее собачка постоянно отставала. Дама с периодичностью окрикивала своего питомца, поворачиваясь к нему. Прошло еще несколько минут, и Вика словно остолбенела от своих мыслей. Она сейчас была совершенно одна. Значит, она может просто убежать?! Тут же Вике стало от этой мысли противно. «Убежать?» Если я думаю, что могу убежать, значит я плохая рабыня!? Так нельзя! Я не должна и думать о побеге. Мой господин сказал мне, сидеть тут, и я послушно буду сидеть тут!» Успокоившись, Вика поймала себя на том, что держится за дверную ручку. «Нет! Я буду хорошей рабыней», – решила Вика и отдернула руку от дверной ручки как от раскаленной сковороды. Вскоре появился Николай, он сел в машину и сунул ей в руки пакет. В пакете было спортивное нижнее белье, серые штаны из плотной ткани с боковыми карманами, черная майка, темно-зеленая ветровка с большим количеством карманов и огромным воротником.

Николай включил заднюю скорость и отъехал за угол магазина.

– Одевайся!

Вика, молча, послушно оделась. Одежда подошла хорошо.

Единственное, на ней немного висела ветровка, если бы она была на размер меньше, то села бы на ее фигуре идеально. Незнакомец кивнул, подтвердив, что удовлетворен обновками и повел машину дальше. В следующий раз они остановились около магазина с вывеской в виде горы. Николай молча взял Викину ногу и сделал пару щекотных движений.

– Я в магазин. Сиди тут и ни с кем не разговаривай, никуда не выходи!

– Да, мой господин! – ответила Вика, заметив, что улица была более оживленной.

В этот раз Николая не было гораздо дольше. Он вернулся достаточно озадаченным. И протянул Вике обувную коробку. Открыв ее, Вика удивилась. Перед ней были высокие мужские ботинки с грубой подошвой. «Покупал бы мальчика!» – подумала она. Вдыхая запах весны, ей хотелось легкое платье и босоножки, как летом в детстве. «Опять, возмущаюсь!» – поймала себя на мысли Вика. – Нельзя так! Нельзя! Поругала она себя. Я послушная рабыня! Потому что непослушные рабыни никому не нужны».

–

Давай обувайся!

Вика послушно натянула ботинки и долго не могла справиться с длинными шнурками. Господин внимательно смотрел, как она пытается зашнуровать ботинки, и улыбался. Вике было не по себе от его взгляда. Этот взгляд заставлял ее больше нервничать и путаться. Вроде она зашнуровала бо-

тинки, но что было делать с длинными оставшимися концами, она не понимала. Расшнуровывая, она завязывала повторно, но концы все равно свисали и норовили попасть под ботинок. Наконец-то она зашнуровала ботинки и решила оставить длинные концы шнурков просто висеть.

Господин издал звук, похожий на смех, развязал ей шнурки и, обмотав пару раз их вокруг ботинок, заново зашнуровал.

– Вот так надо! Поняла?

–

Да, мой господин!

– Удобно? – спросил ее Николай.

– Да, мой господин!

– Нет! Встань, пройдишь! Скажи честно, удобно или нет?!

Вика озадаченно посмотрела на Николая.

– да выйди ты из машины и походи немного.

Вика, дернув за ручку двери, вышла на улицу и попробовала сделать пару шагов. Тут же ей стало ясно, что размер не ее. Большой палец упирался в нос ботинка, больно сдавливая его, когда она делала шаг.

– Хорошо?

– Вроде нормально...

– Нормально или что-то не так?

– Нормаль...

Незнакомец нервно спустился к ее ногам и ощупал носки, на миг Вике показалось, что его лицо было перекошено злой

гримасой. «Точно, сейчас будет бить!» – подумалось ей, и она интуитивно подняла руки, чтобы закрыть лицо.

Николай, ощутив носки ботинок, озвучил свое заключение: «Малы же! Жмет, чего молчишь?! Снимай!»

– Слушаюсь! И Вика начала снимать ботинки прямо на улице, норовя встать носками на грязный весенний асфальт.

– Стоп! Ты что делаешь, – почти в крик сорвался Николай, – сядь в машину, и снимай там! Так ты не испачкаешь носки. Понимаешь?

– Да, мой господин!

Вика села в машину и сняла ботинки. Николай упаковал их в коробку, и снова попросил ее сидеть в машине, никуда не выходить и не с кем не разговаривать. На этот раз Вика заметила, что он не закрыл машину. Николай вернулся достаточно быстро с другой коробкой и снова попросил примерить ботинки. Новые ботинки были похожи на предыдущие, но отличались небольшими кожаными вставками и были немного легче

Одев их, Вика с разрешения Николая вышла на улицу и ощутила небывалую лёгкость в ногах. Ей так было удобно как никогда. Босоножки она носила только в детстве, последний год она ходила босиком или балансировала на туфлях с большими шпильками. Еще ей вспомнилось одно из любимых хозяйских наказаний за провинность. Господин-хозяин называл его «балетом». Один из господ-воспитателей с лицом бульдога приклеивал к стельке туфли маленький пласт-

массовый шарик в районе пятки и давал большое хозяйское поручение, что-нибудь помыть или вымести. К концу дня на пятку нельзя было наступить, а сил ходить на носочках уже не было. Так тактично дрессировались даже самые буйные рабыни. А в этих ботинках было так удобно, что Вике захотелось танцевать, но, сурово воспринимая свою судьбу, она позволила сделать только пару взмахов ножкой. Обернувшись, она увидела улыбку на лице ее господина, и ей стало тоже приятно.

Сев в машину, они снова куда-то поехали. Николай достал с заднего сиденья рюкзак и попросил достать из него чай и бутерброды. Вика настороженно, боясь уронить хотя бы одну крошечку, чтобы не получить наказание, например, в виде вылизывания всей машины, достала бутерброд и протянула его господину.

– Спасибо, я не хочу! Ешь сама!

Вика, удивившись поведению господина, начала аккуратно есть бутерброд с колбасой. Ей было так вкусно после хозяйской баланды, что она еле сдерживала эмоции и давилась собственной слюной. Вдруг она заметила, что от хлеба отломился приличный ломоть и упал ей на штаны. Она тут же покраснела и начала просить Николая прощения, обещать, что вылизет всю машину.

– Замолчи! Тише! – завелся Николай и легким движением смахнул ломоть на коврик. – Ничего страшного не случилось! Ты же не специально намусорила! Так бывает, хлеб,

когда ты его ешь, крошится. Понимаешь?

– Да, мой господин.

– Так... твой господин-хозяин говорил ты умеешь читать?

– Да, мой господин.

Николай фыркнул от злости, услышав еще раз словосочетание «мой господин», и что-то пробубнил себе под нос, а затем спросил:

– Как я просил ко мне обращаться?

Вика, вспомнив, как незнакомец чуть не сломал ей грудь, тут же поправилась:

– Мой Николай, я умею читать.

– Так! – резко взвыл, его голос в машине. В рюкзаке тетрадь со стихами. Открой ее, там закладка и читай мне вслух что там написано.

Вика достала тетрадь со стихами. Тетрадь была темно-зеленого цвета с твердой обложкой. Часть стихов была написано от руки. Другая вклеена в виде распечатанных страниц.

– давай, читай!

Вика долго всматривалась в текст, переживая за то, что не сможет прочитать или ошибется. Только из-за того, что пауза уже слишком затягивалась, она, пересилив свой страх, начала монотонно читать с дрожью в голосе: – «Я сразу, я сразу, сломал, ой смазал карту бу, будня».

– Стоп! Не так! Это же стихи, давай спокойно и с интонацией!

Вика, сглотнув, начала сначала:

«Я сразу смазал карту будня,
плеснувши краску из стакана;
я показал на блюде студня
косые скулы океана.

На чешуе жестяной рыбы
прочёл я зовы новых губ.

А вы
ноктюрн сыграть
могли бы
на флейте водосточных труб?»

Дочитав до конца, Вика немного потупила взгляд от создавшегося, по ее мнению, неловкой ситуации и вопросительно взглянула на Николая.

—

Вика, тебе понравилось стихотворение?

—

Да, мой Николай!

—

Говори честно! Вика уловила напряжение в голосе и руке своего господина.

—

Нет.

—

Почему?

—

Я ничего не поняла, какой-то бред.

—

Хм... как-нибудь поймешь! Это стихотворение Владимира Маяковского. Давай дальше.

V

Солнечный шар плавно садился, прячась за горизонт. Дорога укачивала Вику, и она периодически засыпала. Они ехали весь световой день. Иногда Вика посматривала на спокойное лицо своего господина и сразу отворачивалась, когда он поворачивался к ней. Вдруг машина сделала неуклюжий маневр, съехала с дороги и остановилась, спрятавшись за деревьями, ограждающими поле от трассы.

– Все, Вик! Больше не могу! Вика дернулась от этих слов, ожидая очередного акта насилия, побоев или еще чего-нибудь. Но ожидания опять обманули ее. Господин взял рюкзак, достал оттуда пакет с двумя последними бутербродами, одним из которых снова угостил Вику. Откинувшись на спинке сиденья, он медленно пережевывал еду, так же сдержанно, как вел машину. Она уже привыкла к медленным и сдержанным движениями своего господина. Потом господин сам, без ее участия налил себе чай из термоса в крышку, служившей в походных условиях в качестве кружки. Поставив крышку с чаем на панель машины, он достал яблоко и ловко разломил его пополам своими крепкими руками. Вика дернулась от удивления. Одна половина яблока тоже досталось ей.

– Хорошо поспала?

– Ну так...

– Как?

– Хорошо

– О чему думала?

– Ни о чем...

– Это как?

– Нам нельзя думать, мой Николай! Рабам нельзя думать.

– И что ты делала?

– Просто смотрела в окно...

– И что, даже никакие мысли не посещали?

Николай повернулся к ней полностью, и Вика заметила, как сильно покраснели его глаза от усталости.

– Мой Николай...

– Ну были мысли?

– Да... Вике было горько признаваться в этом. Ее воспитывали в запрете думать. Ее учили отключать мозг в любой ситуации, даже когда больно и невыносимо. Но сегодня было столько эмоций, что она оступилась. Она плохая рабыня, но признаться в этом ей было стыдно.

– Это хорошо, что были мысли, – словно похвалил ее Николай. – Слушай, мне надо поспать пару часиков. Ты, наверное, выспалась?

– Я не хочу спать.

– Тогда я посплю, а ты пока подумай.

– Хорошо, мой господин.

– Как-то ты легко согласилась, а как же вот это «нельзя рабам думать и так далее»

– Я не могу перечить Вам.

– Понял, тогда, когда я проснусь, ты задашь мне любой вопрос. Так, и еще одно условие – из машины не выходить!

Вика хотела возразить, но Николай уже полностью спрятался в своем длинном плаще, устроившись максимально удобно.

Последние лучи солнца растворились во тьме. Все видимое пространство покрыла ночь. Вике стало непривычно, не по себе. Раньше она никогда не была в такой естественной природной тьме. В машине было тихо. На ее удивление Николай заснул, словно умер. Ни сопения, ни малейших движений от него не исходило. На миг ей показалось, что он ее обманул и ушел. Тогда Вика аккуратно, чтобы успокоиться, нащупала кончик его плаща. Самое удивительное для нее было то, что как бы она не боялась своего господина, он был сейчас единственным близким для нее человеком. Потом она поймала себя на мысли, что снова отключила разум и уже долгое время смотрит куда-то на панель приборов. Придя в себя, она начала нервничать. Господин попросил ее придумать и задать ему вопрос. А рабам нельзя спрашивать, это проступок на десять плетей. Десять плетей не всякий взрослый мужчина сможет выдержать, а для нее это однозначно смерть. Но смерти она не боялась, куда страшнее позор. Позор за то, что она такая хорошая рабыня закончит свою жизнь из-за невыполнения элементарного правила, которому учат с первых дней дрессировки. Рабам нельзя задавать

вопросы, только отвечать. «Провокатор! – подумала она про своего господина. – Не буду ничего спрашивать, вдруг забудет». Но неужели она посмеет послушаться такого щедрого господина, что одел ее и кормил своей едой?! Вика начала раскачиваться на сиденье, внутренняя борьба увеличивала ее амплитуду. Задавать вопрос или не задавать? Хорошо, задам! А какой? Я не знаю вопросов. Значит легче не задавать. Но он же покормил меня?! Вика так сильно раскачалась, что в какой-то момент больно ударилась лбом об панель, от чего пискнула. Испугавшись разбудить своего господина, она заткнула себе рот ладошками. Повернувшись в сторону плаща, она заметила, как за ней наблюдает преспокойный Николай.

– Что решила в итоге? Задавать вопрос или нет?

Вика растерялась, неужели она рассуждала вслух. У нее такое бывало несколько раз, но господин-воспитатель вылечил это двумя пощечинами.

Николай завел машину, включил свет и сладко потянулся. Потом повернулся к Вике:

– Я не забыл, задавай вопрос!

– Пощадите меня, пожалуйста! Мой господин! Не могу я спрашивать! Не могу!

– Нет, нет тебе пощады, Вика! Передразнивал ее Николай.

Спрашивай!

– Господин! – Вика тянулась к его коленям, рыдая. – Пощади!

Николай отдернул руки от тянувшейся к нему и унижа-

ющейся перед ним девушкой. Неужели он впервые в своей жизни так сильно ошибся?

– Выходи! – скомандовал он.

Вика послушно вышла из машины. Николай подошел к ней почти вплотную, потом отошел немного дальше осматривая ее с ног до головы, явно о чем-то рассуждая.

– Спускай штаны! Полностью! – скомандовал он.

Вика послушно спустила штаны, немного выпучив попу. И вытянулась по струнке, словно стояла в боевом строю.

– Повернись!

Вика медленно, перебирая ногами, которым мешалось спущенное белье, повернулась к Николаю спиной.

– А теперь нагибайся! Голос Николая звучал немного поодаль.

Вика послушно выполнила волю своего господина, встав в выученную в «Доме праведной верности» господина-хозяина позу. Хлопнула дверь машины, потом крышка багажника, слышались шаги.

Николай подошел сзади и накрутил ее волосы себе на кулак, выгнув ей спину.

В ответ Вика сделала эротичный выдох в одобрение действия своего господина, явно тоже заблаговременно разученный. Но Вика не видела, что в этот момент Николай плотно сжимал нож, нацеленный на ее тоненькое лебединое горло. Толщина лезвия этого ножа была в половину всей ее шеи.

Неловкую паузу разрядил голос Вики:

– Господин! Я готова!

Моментально после этих слов Николай оттолкнул от себя Вику, так, что она упала на землю и закричал нечеловеческим рыком словно раненый зверь.

Отвернувшись от Вики, Николай быстро убрал нож во внутренний карман плаща. Потом подошел к ней. Вика, думая совсем о другом, уже сняла штанину с правой ноги и пыталась оголить левую ногу. Сделать это мешал ботинок, который видимо, торопясь, она не до конца расшнуровала, а теперь запутавшись не могла полностью снять штаны. Пока Вика пыталась снять штанину, Николай осмотрел ее еще раз с ног до головы, удивившись тому, что ее оголенная нога толщиной не больше его руки, в свете звезд светилась словно изумруд.

– Горе! Ну ты и горе мое! Раздосадовано сказал Николай и, опустившись на корточки, отмахнул её руки от ботинка правой ноги со штаниной.

Вика откинулась на спину в ожидании, но на ее удивление он ее не раздел, а наоборот полностью одел, бурча себе под нос какие-то ругательства и непонятные слова. Единственное, что она смогла четко расслышать, эта была фраза «нельзя так людей портить».

Одев ей штаны и зашнуровав ботинки, Николай поднял ее на ноги и ловко взял за воротник майки левой рукой, так что его правая рука на скрученном плече была готова вырваться в Виду пружиной ахиллесовой силы.

– Послушай меня внимательно, Вика!

– Слушаю, мой господин!

Рука Николая сжалась еще сильнее, и Вика почувствовала, как он прижимает ее вниз, воротник майки больно впился в шею. Но не боль ее волновала, а страх того, что она не понимает, чего хочет от нее господин.

– Послушай меня внимательно! – повторил Николай.

– Ты хочешь жить?

– Да, мой господин!

– Я твой господин, правильно?

– Да, вы мой господин.

– И ты сделаешь все, что я тебе прикажу?

– Я выполню любую вашу волю!

– Вопрос! Задай мне вопрос!

Вика заревела.

– Я не знаю, что задавать... я простая рабыня, если вас я не устраиваю, то продайте меня другому... я не понимаю, чего вы хотите... хотите, возьмите меня тут, хотите, оставьте, я пойду пешком, только скажите, куда! Я дойду одна... я сильная... я просто не понимаю...

Николай прекратил истерику Вики, хорошо помотав ее в воздухе.

– Я хочу вопрос! У нас с тобой слишком мало времени! Ты ведь сильная?! Задай мне вопрос!

– Я не умею задавать вопросы!

– А я тебя сейчас научу. Николай в воздухе перенес де-

вушку и шлепнул ее спиной на капот машины! – Что тебя сейчас волнует, быстро говори! Тебе ведь обидно, да?

– Да!

– Почему тебе обидно?

– Я не знаю, что вы от меня хотите!

– Умница!

– А теперь перефразируй, спроси, ну?

– Почему вы меня не хотите?!

– что? Николай отпустил ее воротник и отошел метра на два назад, чтобы осмотреть полную картину, состоящую из взъерошенной, заплаканной девчонки в лесу на капоте машины. И все это происходило при свете звезд, которым он давал клятву. Как она только может задавать такие вопросы?!

– Почему вы меня не хотите? – переспросила Вика, глядя себе на колени и слегка подревывая.

– Что же, неплохой вопрос. А потому, что я тебя не хочу! Не ко всем рабыням, впрочем, как и не ко всем девушкам возникает такое чувство, понимаешь? К тому же ты еще ребенок!

– Я не ребенок! Я рабыня, меня учили...

– Что, не терпится применить знания на практике?! – перебил ее Николай.

– Да мой господин! Я хочу вас! Или я правда страшенькая...

– Значит, так! Будем считать урок удался. И где твои де-

сять плетей? Нет ведь их!?

Зрачки Вики сузились, неужели он ее обманул, выпытав вопрос, а сейчас накажет плетьюми. Все было ясно. Вика села на капот и начала снимать майку.

– Ты что делаешь!

– Мой господин желает наказать меня за заданный вопрос десятью плетьюми. Плетьюми бьют по голой спине.

– Остановись немедленно! Оденься!

Вика непонимающе одела майку с ветровкой и вопросительно посмотрела на своего господина.

– Плетей не будет! Мне было приятно слушать твой вопрос, и приятно на него отвечать. Ты не страшная, ты очень красивая и смелая девушка. Именно поэтому я тебя выбрал. Давай с тобой договоримся, что ты будешь делать то, что я говорю...

– Слушаюсь, мой господин!

– Нет, ты не слушаешься! Называй меня просто Николай, поняла?

– Да, Николай.

– Даю тебе задание, завтра утром задать мне пять вопросов, поняла?

– Да, Николай, – робко согласилась Вика.

– Я тебе обещаю: никаких плетей не будет, и нас с тобой никто не услышит, поняла?

– Да, Николай.

– Никакой интимной близости у нас не будет, поняла?

– Да, Николай!

– И с другими у тебя ее тоже не будет, поняла?! Ну, в смысле пока, не будет, без моего разрешения. Смутился Николай, ужасаясь своим словам. Ясно?

– Да, Николай.

– Хорошо, а теперь садись в машину.

Сев в машину, Николай достал из бардачка влажные салфетки и кинул их на колени Вики с новым заданием «привести себя в порядок». Потом снова залез в бардачок и достал оттуда пачку сигарет, но курить не стал, а переложил ее во внутренний карман плаща.

VI

Вика проснулась от того, что ее щека, прислонившаяся к боковому стеклу автомобиля, замёрзла. Николай безмятежно рулил. Увидев, что Вика проснулась, он пожелал ей доброго утра. Потянувшись и открыв глаза пошире, Вика заметила, что все окутано каким-то дымом.

– Это туман, – пояснил ей Николай, отвечая на ее удивление.

– Туман?

– Да, туман – это когда... в общем, это просто природное явление.

– Красивый туман.

– Согласен.

Через некоторое время они заехали на заправочную станцию. Николай поменял батареи в машине и вернулся с двумя бумажными пакетами.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.